

В ЦЕРКВИ

Народ, стоящий полукругом,
Не видит фреску на стене,
Родство греховности с недугом
Осознавая не вполне.
Лишь, горбясь хрупкими плечами,
Старушки в лунности седин,
Вдруг, с нестеровских, со свечами,
Безмолвно спустятся картин.
Да рядом сядет мать с младенцем,
Тугие сбросив башмаки,
Стирая влажным полотенцем
Елей с пылающей щеки.
Тут слово к пастырю интимно,
Но длань Христа кровоточит,
В притворе сумрачно и дымно,
Там бесноватая кричит.
И пусть молитвенно-протяжно
Взыскует милости народ,
Всем невообразимо страшно,
Что бес на волю изойдёт.
Сквозь дым пророк Иеремия
Спешит взглядеться с высоты,
В твои наивные, Россия,
Тысячелетние черты.

Полны апостольские mreжи,
Поверх реки изогнут мост,
Прохлада, солнце, воздух свежий,
Полдневный звон, Успенский пост.

Вот опять задевают шмели
Обновлённой черёмухи кисти,
И цветение майской земли
Лезет сквозь прошлогодние листья,
На изломе озёрной волны
Ветерка улеглось дуновенье,
Словно мир с наступленьем весны
Вспоминает своё сотворенье.
Даже в кружеве дикой лозы
Бьются пульсы великой вселенной,
И торжественный рокот грозы
Одой к жизни звучит вдохновенной.
Что ж, по свету, сжимаясь кольцом,
На эпическом гребне развязки,
Зло гуляет с открытым лицом,
Нацепив человечеству маски?
К сочинителям тёмной игры
Грозно взор обращён многоокий.
Смертоносные рушат миры
Воля сердца и голос глубокий.

МАСКА

Памяти В.В.Кожина

Муз алебастровые маски,
Граниты лестницы, сквозняк,
В побелке был и свежей краске
Пустой музейный особняк.
И всё же, на закате дня
Я на этаж проникла тайно,
Но маска, глядя сквозь меня,
Вдруг вспыхнула необычайно.
Взлетев на огненных крылах,
Она казалась негасимой,
В гармонии неизъяснимой
Двоясь в тяжёлых зеркалах.
И к чуждой тайне приобщенье,
Недетский страх, восторг и страсть
В одно смешались ощущение,
Чтоб древность, обретая власть,
Бессмертьем осватила узы,
Над бездной брезжили, склонясь,
В чернильной тьме созвездий бусы –
Рим вёл суда на Сиракузы,
И мстить Сицилия клялась,
Сливаясь в гордые союзы.
Душа античностью зажглась!
А может, здесь и началась
Моя зависимость от Музы?

Бледно-синий дымок папиросы
Проплывает сквозь дождь затяжной,
В тёмной зелени дикие розы,
Словно звёзды, горят белизной.
Чтоб струение капель жемчужных
По расправившимся лепесткам,
От смятений спасая ненужных,
Пробиралось к подземным росткам,
Чтоб шипами измучила ветка,
Ускользнув и застыв на свету,
Я могу полюбить человека,
Если в нём отыщу красоту.
Запах лавра припомню коричный,
Льды пещер и вершин миражи,
Красота ведь не профиль античный,
А загадка свеченья души.
Розы вспомню Колхидской долины,
Полный шумных писателей дом,
Дождь и присланные мандарины,
В благодарность за бунинский том.

Тот вечер мной не позабыт!
Пусть ослепляли хризантемы,
Он дымен был и ядовит,
Как дух писательской богемы.
Там всем поэты-новички
Дарили книжицы послушно,
И мэтр, глядящий сквозь очки,
Прищуривался добродушно.
Что был ему бокалов звон
И стол, накрытый образцово,
Тут знали все, что это он
Обожествил звезду Рубцова,
Что званье критика носил
Непревзойдённого – по праву,
И если вас превозносил,
То это означало славу.
Привычно втягивая дым,
Он с виду был само смирение,
А кто-то важно спорил с ним,
Скрываясь в омуте забвенья.

Памяти Н.К.

Сгорели звёзды, нас опередив,
За средостенья Волги и Урала
Ты улетел, и тот любовный взрыв
Я никогда потом не вспоминала.
Твои стихи я спрятала на дно,
Забыла блеск алтайского кристалла,
Осталось только таинство одно –
Я до сих пор его не разгадала.
Что, словно стая птиц над чердаком,
(Теперь ты знаешь, что за этой былью),
В прощальный час, под низким потолком
Протрепетали ангельские крылья?

ЮПИТЕР

Памяти Ю. Кузнецова

Плавятся гелий и стронций,
Мчится светил карусель,
Жарок Юпитер, как Солнце,
Тысячи больше земель.
Сферы пространства корёжит
Он, словно воды линкор,
И гравитацией может
В пыль растереть метеор.

К счастью, вселенной ваятель
Землю в начале времён
Нам, как миров создатель,
Тщательно вылепил он.
Подвиг свершив трудоёмкий,
В гневных порывах ей вслед,
Нынче он мечет обломки
Полуразбитых планет.
Что ему с яростным пылом
Десять взорвать Аризон!¹
Может, божественным силам
Не покоряется он?
В действиях непредсказуем
Древний отец доминант,
Морем паров образуем
Вольнолюбивый гигант.
Только безбожья проблему
Трогать нам с вами не след,
Кто-то же держит систему,
Если в ней хаоса нет!
Вдаль уплывают планеты,
Зря мы догнать их спешим,
Неба не зная секреты,
Маленькие поэты,
Не приближайтесь к большим!

ГОРТЕНЗИИ

*Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...*

Н.Рубцов

Среди светил, в дали необозримой,
Не отыскав погаснувшей звезды,
В степях блуждая, мой поэт любимый
Найти мечтал зелёные цветы.
Но пусть ещё прекрасен лик вселенной,
Устав лучиться в сфере ледяной,
И космос весь погаснет постепенно,
Стирая миг истории земной.
А под окном, где пробежали дети,
Глазам предстали, всплыв из-за угла,
Шары нежно-салатовых соцветий,
Светясь в глубинах тёмного стекла.
Гортензии, цветущие так поздно!
Осенней охрой тронуты слегка,

Так смотрят в ночь растаявшие звёзды
Сквозь световые годы и века.
Кто им даёт латинские названья?
И для какой духовной полноты,
В себе хранят угасших звёзд мерцанье
Поэзии зелёные цветы?

Дотянулся до берега месяца след,
Жаркий ветер остыл понемногу,
Не спеша осыпается липовый цвет,
Ароматом овевая дорогу.
В летней тьме благодатна садов тишина,
Помня школьного пения муку,
С детских лет я болезненно осуждена
Относиться к неверному звуку.
Из любимых поэтов никто не забыт!
Жадно память свой клад собирает,
Лишь у чистой души нежно песня звенит
И немало сердец согревает.
Спор о слове под небом возник не вчера,
Но, друзья мои, не лицемерьте,
Никогда по ту сторону зла и добра
Не заблещут алмазы бессмертья.
Никогда не засветится творческий лик,
Если автор в огнях церемоний,
Притворяясь поэтом, не слышит язык
От небесных рождённый гармоний.

НОЧЬ

Что за образов рой проплывает?
Что за тени уносятся прочь?
Поздней осенью это бывает –
Выпадает бессонная ночь
Что-то в окна скребётся, стучится,
Обостряя встревоженный слух,
Может, это полночная птица?
Может, чей-то блуждающий дух?
А на улице полнятся эхом
Голоса, словно крикам ночным
Отвечают грохочущим смехом
Племена, осадившие Рим.
И уже облака рассекает
Тусклый диск промелькнувшей луны,
Что не греет земли, не сверкает,
Только слушает со стороны.
Задремать бы немного! Но где там!

¹ Автор напоминает о знаменитом Аризонском кратере, оставленном метеоритом.

Может, злится луна оттого,
Что чужим озаряется светом,
Не имея огня своего?
Может быть, она в зависти давней,
Всё поверить не может в одно,
Что унылому мёртвому камню
Стать горячей звездой не дано?
Множит вспышки вселенной воронка,
Сушит жар атмосферы слои,
Бесталанно строчит эпигонка,
Обирая поэмы мои.
Чуть звенят под стеклом безделушки,
Покрывается пылью тетрадь,
Изложить бы стихом! От подушки
Головы невозможно поднять.

*Где вы, где вы во вселенной,
Хоры стройные светил?*

А. Передерев

Там, где звёзд загораются свечи,
В окружении вспышек цветных,
Что ты ищешь в мирах, человеке,
Что в красотах тебе неземных?
И какую туманностью смутной,
Что к твоей безучастна судьбе,
Тебя космос влечёт неуютный,
Изначально враждебный тебе?
Что ты видишь?

Созвездий пунктиры?
Очертанья стрельцов или рыб?
Иль вращения, где в чёрные дыры
Сколки огненных падают глыб?
Что ж, когда искуситель надменный
В небо Сына восхитив на миг,
Предложил Ему царства вселенной,
Сам Христос отказался от них?
На сии простодушные речи,
Потирая нахмуренный лоб,

Мудрецу отвечал человеке,
Разобрав и сложив телескоп:
– Знаешь, Армстронг летал в "Аполлоне",
В астероидах скрыта вода,
Можно выстроить сотни колоний,
Среди шахт возвести города!
Что писаний святых парафразы!
Кто и что сможет нам возразить,
Если платину или алмазы
Мы вагонами станем грузить?
Старец крикнул:
– Сыны обольщенья!
Жадно прибыль слагая в уме,
Вы не поняли смысл искушенья –
Прозревайте в космической тьме!

Луна парит в разливе ржи,
Я еду, жизнь перебирая,
Плывут в окне, как миражи,
Видения родного края.
Но эти встречные миры
И не щадят, и не спасают,
А словно звёздные костры,
Во тьме вселенной угасают.
Ты гаснешь, грустная страна!
Кому же грезилось, Россия,
Что будешь ты погружена
В гнетущий сумрак энтропии.
Что тридцать лет предстанут сплошь
Изгнанием грешников из рая,
Где прошлой славой ты живёшь,
Своих высот не покоряя.
Смотри ж, сквозь полосы дорог,
Взамен земли родного края,
Пейзаж сметая, из-под ног
Ползёт пустыня мировая,
Чтоб над попораньем красоты,
Подменной правды присносущей,
Взошло зиянье пустоты
И поглотило мир грядущий.